

Резиденция князя Нин была построена с большим размахом, но в ней не было той гнетущей имперской монументальности, напротив, всё дышало изысканностью. Беседки, павильоны и садово-парковые композиции напоминали о природном очаровании садов Сучжоу. Тянь Ци долго бродила по территории, так и не обойдя её целиком, и в конце концов у неё разболелись ноги. Тогда Цзи Чжэн проводил гостей к небольшому павильону неподалеку, распорядившись накрыть там вечерний стол.

Солнце клонилось к закату, дневной свет постепенно угасал, и Цзи Чжэн приказал зажечь десятка полтора фонарей в виде красавиц. Фигуры были выполнены столь искусно, что казались живыми, в полный человеческий рост, и каждая принимала свою позу. Внутри горели огромные свечи, а тончайший шелк фонарей пропускал свет гораздо ярче, чем обычные бумажные светильники.

Тянь Ци не могла сдержать восхищенного вздоха: этот князь Нин и правда знал толк в удовольствиях.

Ужин прошел замечательно. Цзи Чжэн велел подать двадцатилетнее вино «Чжуецин», но, заметив, что Тянь Ци оно не по вкусу, приказал принести фруктовое. Было два вида: из горных груш и из винограда. Тянь Ци нашла оба напитка превосходными и, выпив сначала бокал грушевого, а затем виноградного, не заметила, как захмелела — хотя крепость у вин была невелика, их смесь оказалась коварной.

Чжэн Шаофэн, пребывая в крайнем возбуждении, принялся барабанить по столу, требуя позволения спеть. Цзи Чжэн и Тан Тяньюань не стали ему мешать. Тянь Ци едва разбирала слова, но всё равно подпевала, и вскоре двое пьяниц уже несли полную околесицу, а двое других, сохранивших ясность ума, неспешно прикладывались к кубкам. Луна в ту ночь была особенно прекрасна. Цзи Чжэн отпустил прислугу, и лишь десяток фонарей-красавиц безмолвно наблюдали за их весельем.

Чжэн Шаофэн, сжимая в руке палочку для еды и глядя в одну точку, внезапно произнес:

— Мой отец вечно меня ругает.

Тянь Ци отозвалась:

— А я бы всё отдала, чтобы мой отец выбрался из-под земли и отругал меня хоть разок.

Чжэн Шаофэн продолжил:

— Мать вечно меня пилит.

Тянь Ци ответила:

— А я бы всё отдала, чтобы моя мать выбралась из-под земли и попилила меня.

Чжэн Шаофэн:

— Мои братья — все лучше меня.

Тянь Ци:

— А я бы всё отдала, чтобы мои братья выбрались из-под земли...

Чжэн Шаофэн перебил её:

— Да что у тебя вся семья под землей живет?

Цзи Чжэн, слушая этот пьяный бред, нахмурился и тяжело вздохнул.

Тан Тяньюань, невозмутимо наливая себе вина, поднял голову и утешил Тянь Ци:

— Брат Тянь, отпустите печали. Нет ничего мучительнее для усопших, чем видеть страдания живых. Жизнь переменчива, и все мы рано или поздно станем прахом. Так почему бы, пока мы живы, не насладиться этим вином, цветами, легким ветром и яркой луной?

Едва он договорил, Чжэн Шаофэн начал отбивать ритм по тарелке и затянул непристойную песенку. Цзи Чжэн поспешно заткнул ему рот половиной утиной головы, и тот наконец умолк.

— Луна восходит над морем, и в этот час мы разделяем её свет, — Тянь Ци, чьи щеки покраснелись от вина, подперев ладонью подбородок, смотрела на серебряный диск в небе. — Луна, сколько людей сейчас смотрят на тебя?

Луна молчала. Она высоко висела в небе, невозмутимо заливая мир своим холодным сиянием. Свет был подобен туману, инею, шелку, струящемуся молоку. Тянь Ци протянула руку, словно пытаясь удержать этот призрачный свет в ладони.

Она сжала кулак и тихо вздохнула, сама не зная почему, вспомнив того человека из императорского дворца. Однажды, когда он любовался луной, она оказалась рядом и польстила ему, сказав, что если бы Чанъэ из Лунного дворца увидела столь статного и красивого императора, то непременно бы вспылала к нему земной страстью.

Что он тогда ответил? Ах, да: Чанъэ, должно быть, жалеет, что украла эликсир бессмертия, и теперь проводит ночи в одиночестве под синим небом.

Ишь ты, подумаешь, начитался кислых книжек. Тянь Ци покачала головой и усмехнулась, но вдруг на душе стало пусто.

Интересно, вспоминает ли он о ней?

Вряд ли. Он ведь так её ненавидит.

Если бы кто-то сейчас задал этот вопрос Цзи Хэну, тот ответил бы с ледяной уверенностью: нет. Разумеется, последствия для любопытствующего были бы непредсказуемы.

В этот момент император тоже любовался луной. Кон-фэй устроила во дворце Приглашения Луны специальную площадку: на каркасе из розового дерева была натянута круглая белая ткань, подсвеченная изнутри яркими свечами, создавая иллюзию огромной луны. На ткани были вышиты контуры коричневого дерева, за которым угадывались очертания лунного чертога.

Чанъэ вышивать не потребовалось — Кон-фэй сама прекрасно справлялась с этой ролью.

Цзи Хэн и так недолюбливал Кон-фэй, и пришел сюда исключительно ради того, чтобы посмотреть на луну. Он никогда еще не был так отрешен от мирской суеты. Конечно, в будущем он часто будет достигать подобного состояния, но об этом пока умолчим.

А пока он сидел перед этим рукотворным светилом, его не покидало ощущение, что он действительно находится на Луне.

Кон-фэй, одетая в воздушное белое платье, с прической из двух узлов и длинными лентами, волочащимися по полу, старательно изображала богиню из легенд.

Цзи Хэн не стал ей подыгрывать:

— До праздника Середины осени еще два месяца, с чего ты так вырядилась?

Кон-фэй, прижимая к груди кролика, подошла к нему и грациозно поклонилась:

— Прошу прощения, Ваше Величество.

Цзи Хэн не обратил на неё внимания, лишь дразнил зверька, тыча пальцем в его розовый нос:

— Кролик?

Кон-фэй удивилась: император разговаривает с кроликом?

— Кролик, — снова позвал Цзи Хэн, а затем тихо рассмеялся.

Кон-фэй бросила взгляд на стол и всё поняла: император перебрал с вином и, судя по всему, опьянел.

Цзи Хэн залпом осушил кубок. Алкоголь притупил чувства, и крепкое вино казалось не вкуснее

обычной воды. Поставив кубок на стол с глухим стуком, он бросил стоявшей рядом служанке:

— Наливай!

Кон-фэй сама взялась за кувшин:

— Ваше Величество, излишнее вино вредит здоровью, поберегите себя.

Тем не менее она наполнила кубок. Цзи Хэн вдруг забормотал себе под нос:

— Чанъэ, должно быть, жалеет, что украла эликсир бессмертия, и проводит ночи в одиночестве под синим небом. Под синим небом... под синим небом! — он повторял эту фразу снова и снова, пока вдруг не расхохотался.

Кон-фэй с тревогой посмотрела на Шэн Аньхуа, но тот и сам не знал, что делать. Приказы императора он понимал, но когда тот начинал цитировать стихи, евнух становился бессилен.

— Шэн Аньхуай! — внезапно позвал Цзи Хэн.

— Слушаю, Ваше Величество.

— Найди мне Тянь Ци.

— Ваше Величество, ночь глубока, ворота уже закрыты... — Тянь Ци сейчас жила в Тринадцатом отделе.

— Найди мне Тянь Ци! — повторил император.

— Ваше Величество, прошу вас, отдохните, а завтра я непременно приведу Тянь Ци.

Цзи Хэн вдруг поднялся и, заложив руки за спину, зашагал прочь. Шэн Аньхуай поспешил следом, опасаясь, что пьяный император может натворить бед.

Кон-фэй и все обитатели дворца Приглашения Луны проводили его поклонами, и, видя, что император не собирается оставаться, она не смогла скрыть разочарования.

— Где Тянь Ци? — на ходу спросил Цзи Хэн.

— В Тринадцатом отделе, Ваше Величество, — ответил Шэн Аньхуай.

— В какой части Тринадцатого отдела?

Евнух замялся. Глаза императора горели, и он совсем не казался пьяным. Шэн Аньхуай растерялся, но ответил:

— В комнате с иероглифом Шуй.

Цзи Хэн больше не спрашивал и прибавил шагу. Шэн Аньхуай понял, что направление выбрано неверно:

— Ваше Величество, вам пора во дворец Цяньцин!

Почему они идут в такую глушь, да еще и вдоль крепостной стены? Император не ответил. Шэн Аньхуай осторожно поднял взгляд... и обнаружил, что императора рядом нет!

Перепугавшись, евнух завертелся на месте, но никого не увидел. Дрожащими руками он схватил пробежавшего мимо евнуха:

— Где император?!

Тот указал пальцем вверх:

— Император там...

В ночной тьме, на вершине десятиметровой стены, стоял Цзи Хэн. Заложив руки за спину, он пел, обращаясь к луне, словно собираясь улететь в небесные чертоги.

— В реке Юань — ирис, в реке Ли — орхидея, я думаю о господине, но не смею сказать. На горе — дерево, на дереве — ветви, сердце мое любит тебя, но ты не знаешь...

Ветер трепал его алые одежды, и в лунном свете они казались адским пламенем, расцветающим алыми лотосами.

— Ваше Величество... — Шэн Аньхуай покрылся холодным потом. Император пьян, если он оступится и упадет, последствия будут невыносимы. Боясь напугать его, евнух прошептал: — Ваше Величество, пожалуйста, спуститесь...

Цзи Хэн действительно спустился, но с другой стороны стены. Шэн Аньхуай поспешно созвал стражу, чтобы прочесать дворец, но боялся поднять слишком много шума, чтобы не навлечь на всех беду. Он был на грани нервного срыва.

Когда стражники добрались до места, Цзи Хэна и след простыл. Шэн Аньхуай, взяв себя в руки и вспомнив поведение императора, повел людей напрямик в Тринадцатый отдел.

Евнухи в комнате с иероглифом Шуй были напуганы до смерти. Они спали, когда услышали шум у окна, а открыв глаза, увидели в комнате человека в красном. Он стоял спиной к лунному свету, лицо его было неразличимо, лишь бледность (от вина) и неестественно горящие глаза, как две маленькие факела, заставили их в ужасе подумать о призраке.

— Призрак!!! — евнухи сжались в комок под одеялами.

— Господин призрак, умоляю, у каждого свои счеты, не трогайте нас! — дрожа, пролепетал один из них.

Цзи Хэн не обратил внимания на обращение. Он окинул взглядом комнату: три деревянные кровати, двое людей, а кровать Тянь Ци была пуста.

— Где Тянь Ци? — спросил Цзи Хэн.

А, значит, пришел за душой Тянь Ци. Евнух облегченно выдохнул:

— Тянь Ци сегодня не возвращался.

— Куда он пошел?

— Не знаю, наверное, уехал в город скупать антиквариат.

Цзи Хэн развернулся и выпрыгнул в окно. Евнухам показалось, что он исчез в мгновение ока, что лишь укрепило их веру в то, что они встретили призрака.

Шэн Аньхуай, придя в Тринадцатый отдел, никого не нашел. Перепуганные евнухи в красках описали ему ужасного призрака. Успокоив их, Шэн Аньхуай еще раз все обыскал, но безрезультатно, и был вынужден вернуться во дворец Цяньцин.

Слуги доложили, что император не возвращался. Шэн Аньхуай, заподозрив неладное, ворвался в спальню Цзи Хэна и увидел, что тот уже тихо спит в своей постели.

Он подошел ближе: алые одежды были расстелены на ярко-желтом постельном белье. Император лежал на спине, одна рука свесилась с кровати, в ней он сжимал старый, пожелтевший веер — такой потрепанный, будто его подобрали на помойке.

Пир в резиденции князя Нин затянулся до глубокой ночи. В конце концов даже Тан Тяньюань захмелел и танцевал под луной с веткой дерева вместо меча. Его движения были изящны, а белоснежные одежды развевались в лунном свете, словно он был небожителем.

К сожалению, единственным зрителем был Цзи Чжэн — двое других уже спали без задних ног. Цзи Чжэн также исполнял роль аккомпаниатора, тихо отбивая ритм по столу и декламируя стихи.

Закончив танец, Тан Тяньюань немного протрезвел и засобиравшись домой. Цзи Чжэн, видя, что ночь глубока, а двое гостей совсем пьяны, предложил им остаться в резиденции — комнат здесь было в избытке. Тан Тяньюань не стал отказываться, и слуги проводили его в гостевые покои.

Затем Цзи Чжэн распорядился унести Чжэн Шаофэна. Когда слуги собрались забрать Тянь Ци,

он жестом отослал их прочь и сам наклонился, чтобы поднять её.

Тянь Ци была легкой и мягкой, всё её тело излучало тепло. Цзи Чжэн чувствовал это тепло всем телом, и хмельное вино ударило ему в голову с новой силой, затуманив ясный разум.

Вино не пьянит, пьянеет человек сам.

Он нес Тянь Ци в приготовленную спальню медленно, словно на прогулке. Наконец, он уложил её на кровать. Тянь Ци попыталась перевернуться, и Цзи Чжэн поспешно прижал её к себе.

— Удивительно, почему я так привязался именно к тебе? — тихо рассмеялся он, погладив её по плечу. — А ты?

Тянь Ци инстинктивно прижалась к нему.

— У тебя больше нет родителей и братьев, но есть я, — продолжал Цзи Чжэн. — Я жалею тебя и хочу всегда быть рядом, защищать тебя. Тянь Ци, ты останешься со мной?

Тянь Ци молчала. В её голове всё смешалось, в ушах стоял гул, и она недовольно нахмурилась.

Любимый человек был в его объятиях, и у Цзи Чжэна возникли соответствующие мысли. Но он понимал, что сейчас не время, и, стараясь подавить желание, всё же не удержался: приподнял её подбородок и легко коснулся её губ.

Тянь Ци не знала, что её целуют, лишь причмокнула во сне.

Цзи Чжэн снова приник к её губам, на этот раз настойчивее, медленно покусывая и лаская их языком, словно две рыбки в игре. Тянь Ци, почувствовав помеху, недовольно поморщилась и отпрянула, но Цзи Чжэн преследовал её, пока она не оказалась в ловушке.

Тянь Ци стало трудно дышать, и она открыла рот. Цзи Чжэн воспользовался моментом, проникая внутрь. Тянь Ци, сама не понимая, что происходит, попыталась вытолкнуть помеху языком. Это лишь подстегнуло Цзи Чжэна, его сердце бешено колотилось, он впился в её губы, словно желая выпить её душу.

Оба тяжело дышали. Один — от нехватки воздуха, другой — от сдерживаемой страсти.

Опасаясь, что не сможет остановиться, Цзи Чжэн отстранился. Он не хотел пользоваться её беспомощностью. Он снял с неё обувь и укрыв одеялом.

Когда на следующее утро Тянь Ци проснулась, у неё пересохло в горле, болела голова и

тошнило. Она села, пытаясь вспомнить вчерашнее, но в памяти запечатлелось лишь пение с Чжэн Шаофэном. Она осмотрела себя — одежда была в порядке, значит, тайну не раскрыли.

Пьянство — опасная вещь, больше она ни капли в рот не возьмет. Пока она размышляла, за дверью раздался голос служанки. Тянь Ци откликнулась, и та помогла ей умыться, а затем проводила в столовую.

Завтрак был легким. За столом сидел только Цзи Чжэн — Тан Тяньюань уже ушел, а Чжэн Шаофэн еще спал. Тянь Ци показалось, что взгляд Цзи Чжэна стал более нежным, чем обычно, и она смущенно почесала затылок.

После завтрака Тянь Ци собралась уходить, и Цзи Чжэн приказал принести шкатулку:

— Это твое, не забудь.

Увидев шкатулку, Тянь Ци вспомнила вчерашние события и почувствовала, как сердце обливается кровью. Цзи Чжэн, заметив перемену в её лице, спросил:

— Что такое? В этом есть какой-то секрет?

Тянь Ци пришлось рассказать всё как было, показывая изуродованные глиняные фигурки.

Цзи Чжэн повертел одну в руках, посмотрел на другую, а затем рассмеялся:

— Не обижайся, но... ты тоже можешь ошибаться.

— В смысле?

— Это не просто глиняные фигурки, это дворцовые музыканты времен прошлой династии, им лет двести. Знаток не пожалел бы за них не то что триста-пятьсот, а три-пять тысяч лянов.

Сердце Тянь Ци пропустило удар. Три-пять тысяч... за фигурки? Она почесала подбородок, не веря:

— Откуда ты знаешь?

— Я не лгу. Я видел их в императорском дворце, когда был ребенком. Отец давал мне ими играть, а кому он их потом подарил — не знаю.

Это не сходилось. Если это семейная реликвия, как она могла оказаться во дворце? Тянь Ци еще больше засомневалась:

— Посмотри на работу, линии слишком грубые, не изящно, это не дворцовая вещь.

— Суть важнее формы, — возразил Цзи Чжэн. — В живописи есть такое понятие, в лепке тоже должно быть.

Тянь Ци не знала, как возразить. С одной стороны, Цзи Чжэну незачем её обманывать, но если это правда... три тысячи лянов... как она будет расплачиваться?

Представив, как все её сбережения улетают в трубу, она нахмурилась. Цзи Чжэн, зная, как она дорожит деньгами, предложил:

— Давай так: у меня к этим фигуркам особое чувство, продай их мне. Цена — любая.

— Нет, так нельзя.

— Свои люди — сочтемся.

— Но я не могу обманывать своих.

Подумав, Тянь Ци решила сначала поговорить с тем мужчиной, Фан Цзюнем. Вдруг это подделка? Чтобы он сказал правду, она решила припугнуть его:

— Фан Цзюнь, ты сказал, что это реликвия, но я слышала, что это дворцовая вещь, украденная несколько лет назад. Как ты это объяснишь?

— Я не крал, — ответил тот.

— Сколько поколений она у вас?

— С моего.

— ...

Тянь Ци думала, что он честный человек, а оказалось, что его водили за нос:

— Так откуда у тебя эта реликвия?

— Не знаю.

— ...Ты даже лгать не хочешь?

— Нет. — Фан Цзюнь опустил голову.

Они разговаривали во дворе, и мать Фан Цзюня, лежавшая в комнате, услышала их разговор:

— У него с головой не всё в порядке!

Вот оно что. Тянь Ци стало жаль Фан Цзюня, и она рассказала правду. В торговле важна честность. Она не собиралась наживаться на бедняке. Узнав, что она оценивала фигурки в пятьсот лянов, Фан Цзюнь настаивал именно на этой сумме.

Честный человек, подумала Тянь Ци и предложила компромисс:

— Давай так: я дам тебе две тысячи лянов. Ты сказал, что деньги нужны на лечение матери,

так вот, я приведу своего знакомого врача, он мастер своего дела.

— Деньги не нужны, — ответил Фан Цзюнь. — Если вылечите мою мать, фигурки забирайте просто так.

Сын-то он заботливый. Тянь Ци спросила о болезни матери: как давно, что за симптомы? Фан Цзюнь снова промолчал. Из комнаты донесся голос матери:

— Это он меня довёл! Семь лет уже! И все врачи — бездари!

Тянь Ци была поражена: семь лет прикована к постели, а голос такой звонкий.

Договорившись, Тянь Ци ушла. Фан Цзюнь проводил её до ворот. Не успела она сделать шаг, как споткнулась о камень и чуть было не упала, но чья-то рука подхватила её. Она обернулась: Фан Цзюнь уже стоял рядом, отбросив камень в сторону.

Странно, они стояли в пяти-шести шагах друг от друга, как он успел так быстро?

— Ты владеешь боевыми искусствами? — спросила она.

— Нет, — ответил он и вернулся в свой полуразрушенный двор.

Тянь Ци была полна сомнений, но видела, что он не хочет говорить, и не стала настаивать.

Поскольку фигурки были повреждены, продать их дорого не удалось, и Тянь Ци отдала их Жуи. Тот был в восторге. Из-за того, что фигурки были крупнее обычных, ему приходилось держать их обеими руками. Он понес самую красивую во дворец Цяньцин, чтобы похвастаться перед отцом.

Там Цзи Хэн как раз отчитывал Шэн Аньхуая. У него болела голова после вчерашнего, настроение было паршивым, а этот евнух еще спрашивает, не позвать ли Тянь Ци... Зачем?!

Цзи Хэн не хотел слышать это имя, но стоило ему немного успокоиться, как кто-то снова напоминал о нем. Стоило выгнать евнуха, как пришел Жуи с глиняной фигуркой:

— Папа, Тянь Ци подарил, красиво?

Цзи Хэн не стал церемониться:

— Уродство.

Жуи посмотрел на фигурку: где же тут уродство? Тянь Ци был прав, папа... папа... Жуи вспомнил слова Тянь Ци:

— У папы странный вкус.

— ... — Цзи Хэн сомневался, не пьян ли он еще, раз не понимает собственного сына. — Что ты сказал?

— Ты очень странный.

Цзи Хэн наконец понял:

— Это называется «эксцентричный»!

— А. — Жуи кивнул, смутившись.

Глядя на сына, Цзи Хэн почувствовал, как голова разболелась еще сильнее:

— Я не эксцентричный, это ты эксцентричный, и Тянь Ци тоже! И больше не смей упоминать его имя, а то я прикажу отрубить ему голову!

Отец внезапно пришел в ярость, и Жуи, испугавшись, смотрел на него огромными глазами.

Цзи Хэн, остыв, почувствовал вину за то, что сорвался на ребенке. Он ласково взял его на руки, посмотрел на фигурку и уже хотел похвалить, как вдруг она показалась ему до боли знакомой.

Воспоминания нахлынули на него. Он поставил фигурку на стол:

— Больше не играй с этим, я дам тебе что-нибудь получше.

— Хорошо. — Жуи послушно кивнул, хоть и не был согласен.

Тянь Ци сдержала слово и прислала к Фан Цзюню Ван Мэна. Тот произнес длинную речь, из которой никто ничего не понял. Мать Фан Цзюня сказала:

— Этот врач только болтать горазд.

Ван Мэн не обратил внимания и составил план лечения: лекарства, ванночки для ног, иглоукалывание. Тянь Ци подозревала, что он просто пробует всё подряд, и отвела его в сторону:

— Вылечишь? — на кону были тысячи лянов.

— Не обещаю, — честно ответил Ван Мэн. — Таких случаев я не лечил, но полгода лечения должны дать результат.

Тянь Ци промолчала. Из-за её располагающей внешности старушка привязалась к ней и начала жаловаться на сына. Она судила о состоятельности мужчины по количеству жен и детей, и Фан Цзюнь явно не дотягивал.

Тянь Ци перевела тему:

— Чем занимается брат Фан?

— Раньше он вечно ввязывался в драки, а потом, когда повредил голову, стал подрабатывать на мелких поручениях.

Тянь Ци подумала, что у Фан Цзюня неплохая сноровка, да и человек он, в сущности, порядочный. Почему бы не пристроить его в Лавку Баохэ? Там он мог бы быть и приказчиком, и вышибалой, и сторожем — один человек за троих. Решившись, она спросила Фан Цзюня, не хочет ли он подзаработать в лавке. Тот поначалу не горел желанием, но мать так настойчиво его уговаривала, что ему пришлось согласиться.

Никто из участников событий тогда и предположить не мог, как сильно это решение изменит судьбы многих людей.

Тянь Ци всё чаще проводила время за пределами дворца, постоянно общаясь с Цзи Чжэном, Чжэн Шаофэном и другими. В их компанию втерся и Тан Тяньюань. Четверка друзей вместе ела, пила и развлекалась — жизнь била ключом. Впрочем, виделись они не так уж часто: Чжэн Шаофэн и Тан Тяньюань готовились к предстоящим провинциальным экзаменам. Тан Тяньюань был уверен в своих силах, поэтому не слишком утруждался, а все свои усилия направлял на то, чтобы заставить Чжэн Шаофэна зубрить тексты и писать эссе. Тянь Ци тоже вносила свой вклад в их будущие успехи, преимущественно поддерживая боевой дух: она угрожала Чжэн Шаофэну, что, если он не возьмется за ум, она расправится с его любимым белым дроздом.

Первый помощник императора Чжэн также прикладывал немало усилий для будущего своего сына. Стоило Чжэн Шаофэну начать лениться, как отец принимался гоняться за ним с палкой. Правда, бить по голове он перестал — для экзаменов всё-таки нужны мозги, — поэтому переключился на мягкое место.

Чжэн Шаофэн страдал невыносимо. Единственными моментами отдыха были вылазки с Тянь Ци и остальными, но даже на них он мог выбраться только под присмотром Тан Тяньюаня, иначе из дома его просто не выпускали.

С тех пор круг общения Чжэн Шаофэна стал значительно престижнее. Ему захотелось придумать их четверке какое-нибудь звучное прозвище, чтобы при одном упоминании враги дрожали от страха. Тянь Ци эта идея показалась забавной, и она обеими руками поддержала её. Но как назваться?

— Может, Четыре великих таланта? — предложил Чжэн Шаофэн.

Не успел он закончить, как на него устремились три полных презрения взгляда. С Чжэн Шаофэном в составе средний уровень талантов группы стремительно падал, так что это название им точно не подходило.

— А как насчет Четырех великих ваджр? — спросила Тянь Ци.

Друзья переглянулись. Все как один — кожа да кровь, лица нежные, словно лепестки, — ну какая тут связь с ваджрами? О Тянь Ци и Цзи Чжэне и говорить нечего, а Тан Тяньюань, хоть и обладал властным характером, на грозного воителя не тянул. Ближе всех к этому образу был Чжэн Шаофэн, но даже у него, несмотря на мужественные черты лица, не было той сокрушительной мощи, присущей ваджрам.

— По-моему, Четыре белолицых красавца подходит больше, — подшутил Чжэн Шаофэн. — Я из-за вас скоро сам стану таким же изнеженным.

Тан Тяньюань спросил:

— Может, назовемся Четырьмя друзьями столицы?

Чжэн Шаофэн и Тянь Ци сочли, что звучит недостаточно громко. Цзи Чжэн тоже не смог придумать ничего стоящего, и вопрос с названием отложили в долгий ящик. Однако они не учли, что четверо друзей постоянно мелькали на виду, привлекая всеобщее внимание, и вскоре люди сами дали им имя: Четыре молодых господина столицы.

Сила народной молвы велика, и хочешь не хочешь, а пришлось смириться с этим прозвищем.

Четверка стала неразлучной, а их популярность росла с каждым днем. Четыре молодых господина происходили из знатных семей, были обходительны и галантны, поэтому поклонниц у них становилось всё больше. Многие девушки начали выбирать себе спутников жизни, ориентируясь на них, а куртизанки в увеселительных заведениях, которым удавалось хоть как-то зацепиться за знакомство с кем-то из четверки, тут же взлетали в цене. Жаль только, что эти господа не жаловали бордели — даже самый ветреный из них, Чжэн Шаофэн, предпочитал просто вызывать девушек на пирушки, чтобы выпить и поиграть в азартные игры.

Впрочем, это не мешало им сплетничать. В одночасье поползли слухи: одна девица хвасталась, как сочиняла стихи с Тан Тяньюанем, другая — как вела ночные беседы с князем Нин, а третья и вовсе болтала, будто удостоилась чести испить вина из уст самого господина Тянь Вэньхао...

Что значит испить вина из уст? Это когда вино передают изо рта в рот. Услышав такой слух, Тянь Ци пришла в такой ужас, что всю ночь видела кошмары: за ней гонялся какой-то бесполый демон и требовал поцелуя. Она бежала, бежала и проснулась совершенно разбитой!

Но оставим пустые разговоры и вернемся к текущим событиям. Блистательные Четыре молодых господина сидели в одном из ресторанов. Заведение специализировалось на кухне Линнаня, а поскольку линнаньцев в столице было немного, да и местные жители не особо жаловали такие вкусы, дела у ресторана шли вяло. Зато интерьер был изысканным, а блюда — утонченными. Цзи Чжэну здесь очень нравилось.

По привычке Чжэн Шаофэну хотелось бы перекинуться партией в маджонг, но благодаря своим трем друзьям он почти поборол эту зависимость. Что значит проигрывать всегда и везде? Стоит лишь сыграть с этой троицей, как прочувствуешь это до глубины души. Чжэн

Шаофэна так долго и методично «терзали» за игрой, что он потерял всякий боевой дух: теперь при виде костей маджонга у него начинало болеть сердце, а то и всё остальное, поэтому он решил вовсе не играть.

Без карт пить вино и закусывать было скучно, хотелось развлечься. Чжэн Шаофэн велел позвать из увеселительного заведения девушку, чтобы она спела пару песенок. Когда приказчик вел её наверх, они столкнулись с Сунь Фанем. По иронии судьбы, эта девица была его бывшей фавориткой. Она не отличалась умом и, встретив старого клиента в сопровождении Четырех господ, задрала нос.

В этой четверке один был кровным врагом Сунь Фаня, второй — сыном заклятого противника его отца, третий поддерживал его врагов, а четвертый — Чжэн Шаофэн — когда-то водил с ним дружбу, но теперь и смотреть не хотел. Собрать в одном месте всех, кого он ненавидел, — как тут не выйти из себя?

Его бывшая женщина еще и рассыпалась в комплиментах этой четверке.

Сунь Фань оглянулся: он пришел не один, с ним были сыновья двух знатных военных родов. Почему бы не проучить Тянь Ци? Он был не глуп и понимал, что с остальными тремя лучше не связываться, да и незачем — достаточно будет прижать к ногтю одну Тянь Ци.

С этой мыслью Сунь Фань проследовал за певицей в отдельный кабинет.

Внутри Тянь Ци как раз наставляла Тан Тяньюаня в весьма своеобразной манере:

— Хотя твой отец сейчас и уступает Сунь Цунжюу в популярности, не беда. Сын твоего отца гораздо лучше сына Сунь Цунжюя, намного лучше.

Тан Тяньюань усмехнулся:

— Брат Тянь, ты слишком добр ко мне. — Он поднял бокал и осушил его.

Тянь Ци, не притрагиваясь к вину, продолжила:

— Все вокруг твердят, что Сунь Цунжуй — чиновник честный и неподкупный, а по-моему, он просто гонится за славой, самый лицемерный человек из всех.

— О? Почему ты так считаешь?

— Сам он взяток не берет, зато его ученики — еще как. Цянь Сунь, например, на должности уполномоченного по делам соли в Цзянси немало нагрел руки, не так ли? Если Сунь Цунжуй такой святой, почему он не призовет своего ученика к ответу, а позволяет ему наглотать всё больше? Я тебе скажу, он не только жаждет славы, он еще и...

Её речь прервал яростный крик:

— Что ты сказал?!

Сунь Фань больше не мог слушать, как этот мелкий евнух клеветает на его отца. Он с размаху ударил ногой по двери и ворвался в кабинет с целой толпой людей. В воздухе запахло грозой.

Чжэн Шаофэн и без того был вспыльчив, а из-за приближающихся экзаменов — раздражен и нервозен. Увидев такой шум, он решил, что это нападение, и, не дожидаясь реакции остальных, первым бросился в бой.

Ситуация вышла из-под контроля. Сунь Фань рвался к Тянь Ци, Чжэн Шаофэн преградил ему путь и нанес ответный удар. Двое молодых людей из военных семей, примкнувших к Сунь Фаню, увидев драку, не захотели оставаться в стороне и тоже ввязались в потасовку. Следом за ними в бой бросились и остальные — кто по глупости, кто из желания выслужиться перед семьей Сунь, а кто и просто за компанию.

В кабинете было слишком тесно, развернуться как следует не получалось, и схватка переместилась в главный зал ресторана. Тянь Ци поняла, что в этом деле она — самое слабое звено. Мужчины в Великой Ци должны были владеть и пером, и мечом. Чжэн Шаофэн был мастером, Цзи Чжэн и Тан Тяньюань тоже владели боевыми искусствами — и вовсе не для красоты. Тан Тяньюань особенно отличился: он подобрал где-то деревянную палку и с пугающей точностью наносил удары по суставам, укладывая одного за другим. Казалось, у него огромный боевой опыт. Еще минуту назад такой изысканный господин, теперь он превратился в настоящего уличного забияку.

Цзи Чжэн всё время прикрывал Тянь Ци. Ей было совестно прятаться за его спиной, и она решила тоже внести свою лепту. Увидев упавшего человека, она схватила табурет и опустила его сверху. Раздался истошный вопль, и Тянь Ци, присмотревшись, увидела, что под ней лежит Сунь Фань. Его лицо было мертвенно-бледным, он едва не терял сознание от боли.

Его сподвижники поспешно подхватили его и унесли, напоследок пообещав Тянь Ци, что её дни сочтены.

Драка закончилась. Тянь Ци тревожилась: если с Сунь Фанем случится что-то серьезное и Сунь Цунжуй пожалуется императору, ей точно не сдобровать.

Цзи Чжэн успокоил её:

— Не бойся. Просто запомни: это я ударил Сунь Фаня.

Тянь Ци засомневалась. По логике, она не должна была прятаться за чужие спины, но стоило ей высунуться, как ей тут же отрубили бы голову. Князь — родной брат императора, что ему сделается?

Тут наконец осмелился выйти хозяин ресторана. Он уцепился за них, не давая уйти: заведение разгромлено, гости в ужасе разбежались, как теперь вести дела? Цзи Чжэн, будучи человеком рассудительным, согласился возместить ущерб по рыночной цене.

Но хозяин не унимался:

— Честно говоря, я и так хотел продать этот ресторан. Сегодня с трудом договорился с покупателем, а вы всех распугали. Раз он не купит, может, вы купите?

Друзья никогда не попадали в такие ситуации, чтобы к драке в придачу предлагали еще и ресторан. Они не знали, что хозяин был родом из Линнаня и ресторан хоть и не приносил сверхприбылей, но вполне кормил семью. Просто у него случилась беда на родине, и он спешил уехать. Место было неплохое, но из-за недавнего уголовного дела в этих стенах покупатели обходили его стороной. Цену сбивали раз за разом, и вот, наконец, нашелся желающий посмотреть, но сегодняшняя драка всё испортила.

Поскольку драчуны были не простыми хулиганами, а особами высочайшего ранга, хозяин не смел и пикнуть, пока всё не закончилось.

Цзи Чжэн не планировал покупать ресторан, но место было удачное. Если немного переделать интерьер, можно неплохо заработать. Он спросил:

— Сколько просите за ресторан?

— Я договаривался за три тысячи лян, но если вы всерьез намерены купить, я уступлю пятьсот.

Цена была приемлемой. Цзи Чжэн кивнул и повернулся к Тянь Ци:

— Ты ведь пару дней назад говорила, что хочешь найти себе какое-нибудь дело вне дворца?

— А? О... — Тянь Ци кивнула. Она действительно так говорила, но сейчас её мысли были заняты только тем, как избежать гнева Сунь Цунжуя.

— Купи его. Будем приходить сюда обедать бесплатно, — предложил Чжэн Шаофэн.

Тянь Ци машинально кивнула.

Так, совершенно неожиданно, они стали владельцами ресторана.

После обеда Тянь Ци отправилась в Лавку Баохэ на территории дворца. Она занималась перепродажей антиквариата, постоянно мотаясь между дворцом и внешним миром, и даже если дел не было, должна была отмечаться в установленное время.

Лавка Баохэ располагалась в двух рядах помещений к северу от Восточных дворцов. В самом западном конце этих зданий была калитка, ведущая в Императорский сад. Там обычно работали евнухи, и хозяева заглядывали туда крайне редко. Тянь Ци и представить не могла, что встретит здесь самого императора.

Цзи Хэн и сам не ожидал, что, прогуливаясь по саду, случайно зайдет так далеко, а потом — еще более случайно — увидит Тянь Ци.

<http://bllate.org/book/22267/2330922>